

Хамит ЕРГАЛИЕВ

ПОКА НАРОД ТВЕРДИТ МНЕ: «ТЫ НАМ НУЖЕН...»

Отрывок из поэмы «Курмангазы»

Кебис замотан тряпкою. Темно
В застенке мрачном. Узкое окно.
Домбра в сторонке, словно друг, с которым
Не говоришь, с кем в ссоре ты давно.
Домбра рассохлась. А была крепка!
К ней больше не притронется рука.
Удел один – благословенным звукам
Погибнуть здесь. Молчанье. На века.
Могучий нар! Твой замутился взор!
Ты горестно рыдаешь? О позор!
Нет, мать всё это вытерпеть не в силах.
Нет, не могу поверить в это. Вздор!
Всё снова надо начинать Алке:
Кто был герой – тот в страхе и тоске.
И, размахнувшись, мать-старуха звонко
Дала шлепок Курману по щеке.
– Напрасно я пришла к тебе, герой!
Ты стал слезливым в камере сырой.
Умру – тогда отдам все слёзы богу!
Где мужество твоё? Бессилье скрой!
Как пленник, в битве сшибленный с седла!
Что плачешь ты? Плохи твои дела!
Я, видно, зря калжу когда-то ела:
Я слабого мужчину родила!
«Но кто его в несчастье укрепит?
Поддержит кто? Его несчастен вид!
Неужто только новую обиду
Прибавлю я к числу его обид?
Но чудо! Нет, не приуныл он, нет!
О соловей! О мой батыр! В ответ
Он улыбнулся мне: ведь он припомнил
Шлепок, уже забытый с детских лет.
На миг забыл про свой кирпичный ад.
Всё позабыл. О, как светлеет взгляд!
Как ясно на душе, как лик твой ясен.
Но только цепи на руках гремят».
– Так здравствуй же!
Мы встретились к добру.
Дай поцелую, дай глаза утру!
Попробуй попросить у офицера,
Чтоб он тебе отдал твою домбру.
Взял офицер домбру, обдул слегка.

О жажда песни, как ты велика!
Курман по локоть руку заголяет,
Что, как железо старое, крепка.
Читатель-друг, пора уже, пора!
Ты слышишь – начинается игра.
Пускай стучит взволнованное сердце,
Пускай в неволе запоет домбра.

Перевод Евгения Винокурова

О себе

(в преклонном возрасте)

К семидесяти подойдя вплотную,
Я знаю сам,
Чем беден, чем богат.
Я на земле был, в небе и на море,
Я много видел,
Многому был рад.
Ну, а по сути –
Жизнь я прожил пешим,
Вот потому и бодрый я всегда,
И потому перед преградой – буен,
А на равнине – тише, чем вода.

Состояние души

Ноябрь уже отправился в дорогу,
Конец поры осенней всё видней.
Мешок, зерном набитый, зашиваю,
Занятя не скрывая от людей.
В амбаре дух зерна и дух работы,
Берите, кто не взял ещё сполна.
Дождусь ли я иного урожая?
Не знаю сам,
И даль мне неясна.
И вот – зима...
Я думаю о снеге,
О том, что у вороны – свой запас...
И сам дивлюсь, откуда эти мысли?
Иль старость впрямь ко мне подобралась?

Спокойнее...
Спокойней, не волнуйся.
Ведь буен вдохновения полёт.
Успею ли вот только отчитаться
Перед тобою,
Мой родной народ?!

* * *

Ещё храню наивность с простотою,
Хоть за спиной дорога всё длинней.
Ещё спешу чему-то научиться
В полусерьёзной старости своей.
Но лишь смотри! Однажды не заметив,
Заметь меня вторично – всё равно.
И не досадуй,
Коль во мне увидишь
То, что тебе природой не дано...

* * *

Забавно стать однажды старшим братом
Для тех, кому во всём мерилом – я.
Им в полное, гляжу, распоряжение
Теперь персона отдана моя.
Занятно делать вид, что я глупею,
Когда со мною рядом молодёжь...
И перед ними я – то безупречен,
То вроде бы на деспота похож.
Мне нравится, когда бесцеремонно
Они в мой дом врываются гурьбой.
И жаль друзей,
Ушедших слишком рано,
Чьё старшинство оборвано судьбой...

* * *

Когда и я достиг семи десятков,
Во всём идя судьбе наперерез,
Тогда меня хвалебными словами
Друзья подняли чуть не до небес.
Я был всегда критически настроен,
Неловкость я одолевал с трудом,
Но, постепенно к похвалам привыкнув,
Я ловчим ощутил себя орлом.
И тут же за себя я испугался:
Что выпадет ещё мне на веку?
Смело зерно на мельнице народной,
Но скажут ли спасибо за муку?
Мне эта мысль покоя не давала.
Ну как себя бояться самому?!
...Пока народ твердит мне:
«Ты нам нужен!», –
Боюсь, что тут бояться ни к чему.

Не делай вид, что всё забыто

Мол, никому об этом не известно, –
Не делай вид, что всё забыто вдруг.
Кто и когда из чистых душ таких же
Смог сердцем избежать незваных мук?..
Пришла война,
Ты сделалась вдовой,
Джигит погиб и не вернётся в дом...
И молодость в тебе, почти ребёнке,
Едва мерцала алым угольком.
Боясь досужих шёпотов,
Украдкой
Позволила ты мне лишь одному
Твои слезинки утереть. Но тайну
Мы эту не открыли никому.

Хоть ты твердила, что тебя сломили,
Но ты не знала сердца своего.
Я чувствовал, грешно, коли погаснет
Твой уголёк,
И раздувал его.

Бессильны души пред любовью. Это
Так было вечно и так будет впрямь.
Но мы любили –
Мы как будто мстили
За всех погибших, за войну, за смерть.
И вот дитя явилось в мир
И, плача,
К груди припало, чтоб расти быстрее.
Ты так светилась счастьем, что иные
Завидовали радости твоей.

И мальчик рос, и было живо имя
Отца, который не пришёл с войны.
Кричал он:
– Папа! –
Только голос этот
Не достигал подземной глубины.
...Тебе отдал я всё богатство сердца,
И с этой тайной стал счастливей сам.
Припомни те минуты, когда в полдень
Плыл месяц над тобой по небесам.
И я тобою издали люблюсь.
И сердца стук – свидетелем тому.
...И ты не делай вид, что всё забыто,
Раз вроде неизвестно никому...

Перевод Татьяны Кузовлевой